

**ТИП ГОСУДАРСТВА БЛАГОСОСТОЯНИЯ И РАЗЛИЧИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ КЛАССОВ ПО УРОВНЮ БЕДНОСТИ
И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УЯЗВИМОСТИ В ЕВРОПЕ¹**

Кристофер Т. Уилан, Университетский колледж Дублина, Ирландия
Бертран Мэтр, Институт экономических и социальных исследований, Дублин, Ирландия

В данной работе освещен ряд взаимосвязанных вопросов. Среди них: сомнения в верности национальных показателей бедности по доходам в контексте расширения ЕС, сравнительные преимущества одномерных и многомерных подходов к измерению бедности и социальной исключенности, а также адекватность трактовки жизненных шансов представителей различных классов. При определении экономически уязвимых групп мы обнаруживаем, что, в отличие от национальных показателей бедности по доходам, уровни уязвимости систематически изменяются в зависимости от типа государства благосостояния. Многомерный профиль экономически уязвимых групп резко отличает их от остальной части населения. В то время как они также характеризуются явно высокими уровнями множественной депривации, значительная часть экономически уязвимых групп не подвержена такой депривации. В отличие от измерения при помощи национальной черты относительной бедности, подход, основанный на экономической уязвимости, позволяет получить картину классовой дифференциации, в которой контраст между самозанятыми и другими классами не доминирует над всеми остальными классовыми различиями. При использовании этого подхода, а не только общеевропейской черты относительной бедности, становится ясно, что абсолютные уровни уязвимости явно выше среди низших социальных классов в менее всеобъемлющих и «щедрых» типах государства благосостояния, в то время как относительные классовые различия на другом конце спектра становятся более контрастными.

ВВЕДЕНИЕ

Многих беспокоит, что расширение Европейского союза обострило проблемы, возникающие из-за особого внимания к национальным показателям бедности по доходам. Очевидно, что данный подход дает результаты, противоречащие здравому смыслу и не соответствующие информации об изменениях объективных условий жизни и о субъективном ощущении бедности в ЕС [Fahey, 2007]. Уилан и Мэтр [2009] используют данные Статистики Европейского союза о доходах жителей и условиях жизни (EU-SILC) для

¹ Это перевод статьи *Christopher T. Whelan and Bertrand Maître* Welfare regime and social class variation in poverty and economic vulnerability in Europe: an analysis of EU-SILC из журнала *Journal of European Social Policy* 201020: 316. DOI: 10.1177/0958928710374378. Печатается с любезного разрешения авторов. Научный редактор перевода — Попова Д. О., к. э. н., ведущий научный сотрудник НИСП.

оценки эффективности применения модели Фэи [2007] к определению черты бедности по всему ЕС вместо национальных измерений или наряду с ними. В их анализе используются как национальные, так и общеевропейские показатели бедности по уровню относительных доходов и «устойчивой бедности», совмещающие в себе как пороги бедности по доходам, так и пороги бедности по депривациям. Полученные результаты позволили сделать заключение о том, что национальные показатели уровня бедности по доходам очень сильно варьируются по странам и типам государства благосостояния, а общеевропейские показатели не учитывают различия стран по социально-экономическому типу, которые, согласно ожиданиям, должны быть частью корректного измерения бедности.

Авторы предположили, что решение данной дилеммы требует альтернативного подхода, а не основанного исключительно на измерениях бедности по уровню относительных доходов. Показатель «смешанной согласованной линии бедности», совмещающей черту бедности по уровню национальных доходов и общеевропейский порог деприваций, как видно, лучше всего подходит для реализации декларируемой ЕС задачи измерения степени несоответствия минимальных стандартов качества жизни и размера получаемых населением выгод от высокого уровня среднего экономического благосостояния в стране [Европейская комиссия, 2004].

Этот подход лишь отчасти использует практику, основанную на измерении бедности по уровню доходов. В данной работе мы исследуем возможности базы данных EU-SILC в применении многомерного подхода к измерению социальной исключенности, понимаемой как объект воздействия ряда взаимосвязанных рисков. Мы применяем этот подход к идентификации «экономически уязвимых» групп.

По вопросам, касающимся расширения ЕС, наличие и доступность данных, полученных из EU-SILC, значительно расширяет наши прежние возможности. Ранее при анализе Уилан и Мэтр [2005a] использовали Европейское панельное обследование домохозяйств (ECHP); анализ охватывал тринадцать стран ЕС, за исключением новых государств-членов (НГЧ). В работе Уилана и Мэтра [2008] расширен период измерения, она охватила пять лет за счет сокращения количества стран до девяти, из которых всего пять расположены за пределами южной части Европы. Уилан и Мэтр [2005b] охватили 28 стран, применив Европейское исследование качества жизни (EQLS). Однако с целью преодоления трудностей, связанных с малым размером выборки и различным уровнем обратной связи, Уилан и Мэтр [2005b] прибегли к серьезному обобщению, включавшему идентификацию четырех кластеров стран согласно классификации, используемой Главным управлением Европейской комиссии по вопросам региональной политики. Кроме того, в силу довольно общего характера процедур по определению доходов не было возможности рассчитать линии бедности по уровню доходов, и анализ осуществлялся на уровне квартилей дохода внутри группы стран.

База данных EU-SILC впервые предлагает возможность для проведения анализа, охватывающего все страны ЕС, что позволяет нам сравнить многомерные результаты с теми, которые получены при помощи общепринятого подхода к анализу бедности на основе измерения относительных доходов. Базируясь на нашей предыдущей работе, мы полагаем, что в результате успешной реализации подхода, охватывающего и многомерность, и риск, мы

получим картину изменений по типам государства благосостояния и социально-экономическим группам более, в нашем понимании, соответствующую действительным показателям бедности и социальной исключенности. Что касается социально-экономических различий, мы сосредоточим внимание на влиянии социального класса, по причине нашего убеждения в том, что продолжающийся спор по поводу его важности² может быть далее разрешен сравнительным анализом, сочетающим в себе относительную концептуализацию социального класса и соответствующий многомерный анализ социальной исключенности³.

В силу того что в настоящее время широко распространено понимание ограниченности подхода к измерению уровня бедности и социальной исключенности, основанного только на анализе доходов, мы обратили основное внимание на многомерные подходы [Boarini and d'Ercole, 2006; Bradshaw and Finch, 2003; Gordon et al., 2000; Guio et al., 2009; Nolan and Whelan, 2010; Whelan et al., 2001]. На уровне разработки концепции особый интерес вызывает использование многомерного подхода к пониманию социальной исключенности. Однако, как утверждают Нолан и Уилан [2007], его ценность должна быть определена эмпирическим путем.

На национальном уровне, где доступные данные оказываются значительно более полными по сравнению с уровнем ЕС, с целью изучения данных вопросов было применено разнообразие сложных аналитических стратегий. Они включали в себя анализ латентных классов [De Wilde, 2004; Grusky and Weeden, 2007; Moisiu, 2004; Whelan and Maître, 2005, 2005b], модели структурных уравнений [Carle et al., 2009; Tomlinson et al., 2008], теорию обратной связи [Capellari and Jenkins, 2007] и самоорганизующиеся карты [Pisati et al., 2010; Whelan et al., готовится к публикации]. Однако данные, имеющиеся на настоящий момент на уровне ЕС, являются значительно менее полными и существенно ограничены для EU-SILC, чем для ECHP. Это обстоятельство создает трудности в применении данных методов на компаративной европейской основе.

Кроме вопросов, связанных с данными, одной из проблем использования понятия социальной исключенности, является его слишком широкое применение для описания каждого вида депривации: «термин "исключенность" настолько многогранен и адаптируем, что может возникать искушение считать каждый тип лишения исключенностью» [Sen, 2000:9]. Для наших текущих целей решающим моментом является, с одной стороны, прояснение различий между понятиями социальной исключенности как многомерной бедности, а с другой — как набора взаимосвязанных рисков.

Кронауэр [1998] отмечает, что появление концепции социальной исключенности было непосредственно связано с повторным появлением угрозы высокого уровня безработицы и угрозы, которую она представляет для национальной интеграции. Паугам [1996] сосредотачивает внимание на процессах, приводящих от неустойчивости к исключенности как подверганию совокупному неблагоприятному условию и прогрессивному разрыву социальных отношений. Однако, по мнению Аткинсона и Давуди [2000:434],

² См. работы: Аткинсона [2007], Бека [2007] и Голдторпа [2007а, 2007б, 2009].

³ См. работу Голдторпа [готовится к публикации] об обсуждении различий между «атрибутивным» и «относительным» подходами к социальным классам.

слишком большое внимание к этому вопросу может привести к тому, что основной акцент будет делаться, с одной стороны, на чувстве солидарности внутри групп, подразумеваемом взаимное сотрудничество и взаимопомощь, или, с другой — на «социальной солидарности»⁴. Одной из трудностей, связанной с прежним подходом и с сосредоточением внимания на социальной сплоченности, в том числе социальной связности и идентификации внутри сообщества [Friedkin, 2004], является то, что в данном случае довольно сложно определить воздействие на результаты таких факторов, как безработица и материальные лишения [Gallie and Paugam, 2000; Whelan et al., 2002].

В альтернативной концепции социальной исключенности, например, предложенной Левитас и коллегами [2007], основное внимание сосредотачивается на многомерной бедности, подразумевающей более ограниченный доступ к товарам и услугам, необходимым для полноценного «участия» в жизни общества⁵. При таком более широком взгляде на многомерную бедность возникают проблемы корреляции между показателями бедности, которые оказываются намного слабее, чем обычно представляется. Это верно даже в отношении бедности по доходам и по потребительским расходам. Однако пересечений между ними наблюдается гораздо меньше, если под многомерностью понимать такие факторы, как обеспечение жильем, район проживания, здравоохранение и участие в социально-политической жизни. Эта проблема признается у Левитас и коллег [2007] при разграничении социальной исключенности и «глубокой исключенности». Последняя измеряется при помощи нескольких показателей неблагоприятных условий, которые приводят к серьезным негативным последствиям для качества жизни, благосостояния и будущих жизненных шансов. Однако если такие негативные последствия не показаны, мы сомневаемся, что можно считать то или иное лишение признаком социальной исключенности, основываясь на одном или даже нескольких измерениях. С другой стороны, акцент на «глубокую исключенность» приводит к риску ее применения лишь к беднейшим слоям населения⁶.

По причине вышеупомянутых трудностей мы сосредоточиваем свое внимание, в первую очередь, на экономической уязвимости, учитывая влияние совокупности ограниченных, но ключевых рисков. При этом остается открытым вопрос о взаимосвязи между такой уязвимостью и многомерной бедностью, определяемой при помощи целого ряда измерений.

Придерживаясь концепции Чемберса [1989: 1], мы можем определить уязвимость, основываясь не только на текущих показателях уровня бедности, но и на степени незащищенности и подверженности риску и шоку. Брэдшоу и Финч [2003] полагают, что необходимо различать *факторы риска*, которые

⁴ Трудности возникают по причине того факта, что термин «социальная сплоченность» частично объединяет более старые термины, например, «социальная солидарность» и «социальная интеграция» [Lockwood, 1964], а также часто нечетко определяет соотношение между социальными моделями неравенства и формами такой «сплоченности». См. работу Уилкинсона и Пикетт [2009].

⁵ Левитас и др. [2007] рассматривают такую многомерную бедность в качестве фактора воздействия на качество жизни индивидов, равенство и сплоченность общества в целом. Однако мы бы предпочли рассматривать соотношения между отдельными результатами и социальными характеристиками как предмет для эмпирического исследования, а не определения.

⁶ Эта тенденция также освещена в работе Рума [1999: 171], касающейся обсуждения понятий непрерывности и катастрофы в литературе по социальной исключенности.

указывают на большую уязвимость категории индивидов, и *инициирующие факторы*, которые оказывают непосредственное воздействие. Мы останавливаем свое внимание на первом из них.

Анализ будет представлять собой следующее:

- Используя статистическую процедуру, известную как анализ латентных классов, мы попытаемся идентифицировать «экономически уязвимые» группы⁷.
- Затем мы перейдем к подробному подсчету уровней и моделей экономической уязвимости по типам государства благосостояния и взаимосвязей между такой уязвимостью и ограниченной формой многомерной бедности.
- Проводимый нами анализ будет дополнен сравнением относительного риска бедности и экономической уязвимости по социальным классам в рамках и между типами государства благосостояния⁸.

АНАЛИЗ ЛАТЕНТНЫХ КЛАССОВ

Нашей целью является идентификация групп, которые могут оказаться экономически исключенными, в силу присущих им различных степеней риска иметь доходы ниже черты бедности, а также подверженности риску материальных деприваций и субъективному экономическому стрессу. Обычно группы, на которые исследователи разбивают свои наблюдения, известны заранее и соответствуют значениям определенных переменных или сочетаний переменных. В некоторых случаях, однако, представляющие интерес группы неизвестны заранее и должны быть обнаружены с применением соответствующей методики классификации. Анализ латентных классов предполагает, что каждый индивид является частью одного и только одного из основополагающих классов N и что при условии вхождения в нерассматриваемые классы, переменные не зависят друг от друга. Условная независимость является версией сходной идеи, что корреляция двух переменных может явиться результатом их общей зависимости от третьей переменной.

Центральным понятием этой версии является существование основополагающих процессов, приводящих к образованию отдельных групп индивидов. В этих группах результаты показателей не зависят друг от друга, так как факторы, определяющие местоположение индивидов, те же, что образуют изначальные взаимосвязи. Тогда возникает вопрос, позволяют ли такие упрощения идентифицировать группы индивидов с различными многомерными профилями, производя в то же время распределение индивидов по ячейкам соответствующей многомерной таблицы, которая в значительной степени приближена к рассматриваемым образцам.

Контраст между группами связан с профилями риска, а не с существующими моделями депривации. В нижеприведенном анализе мы указываем на то, что индивиды находятся в одном из двух классов. Однако ни размер

⁷ Ранее этот подход применяли Уилан и Мэтр [2005а, 2005b]. В данной методике используется предложенная ими система выбора индикаторов и возможности EU-SILC для разработки общеевропейской модели анализа, основанной на адекватных национальных выборках.

⁸ Для удобства мы будем ссылаться на общенациональные показатели «риска бедности» просто в качестве показателей «бедности».

лежащей в основе группы, ни профили риска не определены априори, а устанавливаются при помощи поиска самого явного совпадения с рассматриваемыми данными, которые в свою очередь согласуются с упрощениями нашей модели.

ДАнные И ПОКАЗАТЕЛИ

Выборка

База данных Евростата EU-SILC 2006 включает в себя 26 стран: 24 государства-члена ЕС, а также Норвегию и Исландию. Обследование охватило 202978 домашних хозяйств с общим количеством индивидов, равным 536993. Объем выборки по странам варьируется от 8598 человек в Исландии до 54512 человек в Италии. Единицей измерения является индивид. Там, где это необходимо, атрибуты домашнего хозяйства и характеристики референтного лица домашнего хозяйства были приписаны индивидам. Уровни значимости были скорректированы для группировки индивидов в пределах домашнего хозяйства.

Показатель дохода

Применяемый нами показатель дохода — это годовой совокупный располагаемый доход населения, скорректированный для размера домашнего хозяйства с использованием модифицированной шкалы эквивалентности ОЭСР. Исходным является период, равный 12 месяцам до дня проведения интервью. Бедность определена в рамках уровней медианного эквивалентного дохода. В нашем последующем анализе латентных классов мы различаем четыре категории доходов:

- ниже 70% медианного национального эквивалентного дохода;
- в пределах 60–70% медианного дохода;
- в пределах 50–60% медианного дохода;
- ниже 50% медианного дохода.

Показатели потребительской депривации

В своем анализе мы использовали многокомпонентный индекс «потребительской депривации», ранжирующий ее на 7 показателей: от вынужденно сокращаемых текущих потребностей (например, в еде и тепле) до более общих показателей потребления (например, возможность позволить себе отпуск, покупку машины или персонального компьютера, а также регулярную оплату счетов по аренде или коммунальных платежей). Подробные сведения по статьям потребления приведены в *таблице 1*. Подтверждающий факторный анализ выявил, что это отдельное измерение, а при помощи анализа надежности было доказано, что все показатели принадлежат одному фактору и это верно для всех стран, включенных в наш анализ, и может быть применено в целях сравнения⁹. Версия этого показателя, используемого в последующем анализе, является дихотомической, в ней пороговая величина выбрана

⁹ Подробнее см. в работе Уилана и др. [2008].

Таблица 1. Показатели депривации для индекса потребительской депривации

Отсутствие возможности позволить себе оплатить одну неделю годового отпуска вдали от дома
Отсутствие возможности справиться с непредвиденными финансовыми расходами
Отсутствие возможности позволить себе покупку мяса, курицы, рыбы (или вегетарианского эквивалента) каждый второй день
Отсутствие возможности купить автомобиль
Отсутствие возможности нормально отапливать дом
Отсутствие возможности позволить себе покупку персонального компьютера
Задолженность с выплатами по закладной, оплатой аренды, коммунальных платежей, покупками в рассрочку

таким образом, что доля индивидов выше данной величины максимально соответствует доле индивидов, находящихся ниже черты бедности, равной 60% среднего эквивалентного дохода. Таким образом, в принципе, возможно полное перекрытие идентифицированных групп, а отклонение от данного результата не является статистическим артефактом.

Экономический стресс

Субъективный показатель экономического стресса, применяемый нами, основан на анализе ответов на следующий вопрос, заданный всем референтным лицам домашнего хозяйства: «А теперь задумайтесь над общей суммой доходов вашего домашнего хозяйства, учитывая все источники и всех членов семьи, и ответьте на вопрос, могли бы вы сказать, что ваша семья может сводить концы с концами?».

Респондентам было предложено на выбор шесть категорий ответов, начиная от «с большим трудом» и заканчивая «очень легко». В своем анализе мы сосредоточили внимание на сравнении тех, кто «испытывает большие затруднения» и «трудности» в сведении концов с концами и всех остальных.

Европейская социально-экономическая классификация

В нашем анализе мы используем агрегированную версию Европейской социально-экономической классификации (ESeC)¹⁰. Согласно наблюдениям Голдторпа [2002:213], одной из первоочередных целей такого рода классификаций является обнаружение ограничений и возможностей, типичных для различных классов, в особенности, если они «имеют отношение к безопасности, стабильности и перспективам индивидов» в качестве предварительного условия при толковании «эмпирических закономерностей». Используя при изучении влияния социального класса подход, основанный на измерении экономической уязвимости, можно получить наиболее точный результат. Невозможность наблюдения систематического изменения степени экономической уязвимости по социальным классам не позволяет точно утверждать, что распределение жизненных шансов зависит от социальных классов. В нашем анализе мы применяем агрегированную версию ESeC с семью категориями. Мы использовали информацию, относящуюся к текущей и предыдущей

¹⁰ См. в работах Роуза и Гаррисона [2007, 2009].

занятости, и процедуру оценки доминирования признака в домохозяйстве при определении социального класса для всех членов семьи¹¹.

Ниже указаны семь классов, которыми мы оперируем:

- крупные предприниматели, руководители высшего звена и высококвалифицированные профессионалы (класс 1 по ESeC);
- руководители среднего звена, квалифицированные технические специалисты и профессионалы (класс 2 по ESeC);
- посреднические профессии и руководители низшего звена (классы 3 и 6 по ESeC);
- малые предприниматели и самозанятые не в сельском хозяйстве (класс 4 по ESeC);
- малые предприниматели и самозанятые в сельском хозяйстве (класс 5 по ESeC);
- технические работники в сфере обслуживания и торговли и квалифицированные рабочие (классы 7 и 8 по ESeC);
- неквалифицированные и полуквалифицированные рабочие (класс 9 по ESeC).

РЕЖИМЫ БЛАГОСОСТОЯНИЯ

Наш анализ основан на данных из EU-SILC 2006, охватывающих 26 стран. Однако поскольку нашей целью является содействие проведению оценки относительных преимуществ традиционного измерения бедности по уровню доходов и показателя экономической уязвимости, а не получение описательного расчета бедности в Европе и примеров многомерной бедности¹², мы остановим свое внимание на уровне типа государства благосостояния.

Согласно замечаниям Эспина-Андерсена и Майлза [2009], государство всеобщего благосостояния влияет на риски в течение жизни, межпоколенческие риски и классовые риски, каждый из которых имеет свою собственную логику перераспределения. В то время как в некоторых работах, например исследовании Смидинга [1997], показана связь между уровнями благосостояния и перераспределения, Пальме [2006] и Эспин-Андерсен и Майлз [2009] делают заключение о том, что имеющиеся доказательства в незначительной мере подтверждают наличие какой-либо прямой связи между ВВП или более высокими уровнями расходов на социальные нужды и сокращением неравенства и предполагают, что, скорее, наиболее серьезное воздействие оказывает организация соответствующих институтов в государствах благосостояния. Это воздействие может иметь комплексные формы. Так, для государств благосостояния, делающих упор на перераспределение через использование целевых пособий по бедности, возникает «парадокс перераспределения», описанный Корпи и Пальме [1998], суть которого в том, что универсальные пособия имеют больший объем и достигают бедных с большей степенью вероятности. Как подчеркивают Эспин-Андерсен и Майлз [2009: 655], поскольку перераспределительная роль услуг существенно варьируется в пределах

¹¹ При использовании данной процедуры количество индивидов, классифицированных как «никогда не работавшие», очень мало, поэтому мы исключили их из анализа.

¹² Эти расчеты см. в работах Гуйо [2005a, 2005b].

различных обществ, исключительное внимание к уровню денежных доходов неизбежно приводит к неполной и потенциально искаженной картине.

Типология «режима занятости» Галли и Паугама [2000] ставит в центр внимания степень обеспечения материальной помощью и уровень денежной компенсации безработным, а также масштаб действующей политики обеспечения занятости. Букоди и Роберт [2007] добавляют критерий строгости законодательства в сфере охраны труда, включающего свод правил, регулирующих процедуры найма и увольнения. Сочетая данные критерии с теми, которые отражены в стандартной категоризации Эспина-Андерсена, они различают шесть типов государства благосостояния¹³, которые мы применяем в нашем последующем анализе, а именно:

- *Социал-демократический режим*, для которого характерен универсализм. Высокий уровень гибкости занятости сочетается с высокой степенью безопасности в форме существенного уровня социального обеспечения и пособий по безработице с целью гарантировать адекватные экономические ресурсы независимо от состояния рынка или поддержки семьи. В данную группу мы включили Швецию, Данию, Исландию, Финляндию, Норвегию и Нидерланды¹⁴.
- *Корпоративистский режим* заключается в меньшем внимании к вертикальному перераспределению. Доминирование страхования подразумевает акцент на горизонтальное перераспределение. Социальные выплаты зависят главным образом от пожизненной занятости. Для таких режимов характерно множество выплат, а перечень услуг в них не велик. Данная группа включает Германию, Австрию, Бельгию, Францию и Люксембург.
- *Либеральный режим* предполагает, что роль правительства заключается во «вращивании» рынка, а не в его замене. Получатели социальных пособий подвергаются проверке уровня доходов, однако в последние годы произошел переход на политику негативного подоходного налога для низкооплачиваемых работников. Данные страны демонстрируют гибкость на рынке труда в сочетании с ограниченными мерами, направленными на активную поддержку занятости¹⁵. В эту группу входят Великобритания и Ирландия. Согласно наблюдениям Эспина-Андерсена и Майлза [2009: 646], такое сочетание целевых пособий и наличия определенных условий их выплаты, в принципе, должно приводить к определенным результатам, однако на практике усилия по перераспределению вероятно будут малоэффективны из-за «парадокса перераспределения».
- *Южноевропейский режим* отличается ключевой ролью систем по поддержке семьи. Политика на рынке труда развита плохо и проводится выборочно. Система предоставления пособий является неравномерной и минималистской по своему характеру, а также характеризуется

¹³ Фенгер [2007], применяя иерархический кластерный анализ, идентифицирует схожий набор режимов.

¹⁴ Местоположение Нидерландов остается предметом дискуссий. Мы придерживаемся теории Маффелса и Луиджжеса [2006] и относим эту страну к социал-демократической группе.

¹⁵ Хотя последнее менее характерно для Ирландии.

- недостатком гарантированного обеспечения минимальным доходом. В эту группу входят Кипр, Греция, Италия, Португалия и Испания.
- Низкие уровни расходов на социальную защиту и ослабление социальных прав характерны для *постсоциалистических* обществ. Букоди и Роберт [2007] отмечают, что общее повышение гибкости занятости наблюдается в основном в странах с экономикой переходного периода, демонстрирующих гораздо меньший по сравнению с Великобританией, но больший в сравнении с южной частью Европы уровень гибкости рынка труда. Они различают две группы.
 - *Корпоративистский постсоциалистический режим* характерен для стран центральной Европы, где меры по поддержанию рынка труда в большей степени ориентированы на безвозмездные социальные выплаты, а социальная защита находится на среднем уровне. В данную группу входят Чешская Республика, Венгрия, Словения и Словакия.
 - *Постсоциалистический либеральный режим* охватывает страны Балтии, для которых характерны более гибкий рынок труда с работодателями, не желающими соблюдать правовое регулирование рынка, а также отсутствие мер политики, направленных на поддержку занятости. В данную группу входят Эстония, Латвия, Литва.

До начала проведения анализа мы проясним, что на основании данных, представленных в литературе, и нашего понимания ключевых различий мы предполагаем, что благодаря применению многомерного критерия экономической уязвимости (включающего динамические аспекты социальной исключенности путем измерения воздействия совокупности взаимосвязанных рисков) удастся выявить различия по социальным классам и режимам благосостояния в большем соответствии с теоретическими ожиданиями, чем при использовании критерия бедности по доходам.

Уровни и примеры экономической уязвимости по типу государства благосостояния

В нашем анализе мы сосредоточиваем внимание на толковании распределения индивидов в таблице (размерностью 4 на 2 на 2), содержащей четыре категории бедности по доходам, две категории потребительской депривации и две категории экономического стресса. Нашей целью является нахождение простой модели основополагающих процессов, производящих распределение индивидов по шестнадцати ячейкам данной таблицы, образующее совокупность ожидаемой частоты, приближенной к воспроизведению наблюдаемой частоты. В *таблице 2* приведены результаты модельной аппроксимации, размер уязвимого класса и условные вероятности. Принимая во внимание большие размеры выборки, варьирующей от 33665 в постсоциалистическом либеральном режиме до 132111 в южноевропейском режиме, любая простая модель вряд ли подойдет по строгим статистическим критериям для рассматриваемых данных. Тем не менее модель латентного класса с двумя классами достаточно хорошо подходит для объяснения принципов связи во всех шести режимах благосостояния. Отношение правдоподобия G^2 , имеющее распределение хи-квадрат, является показателем качества модели. Чем ниже его

Таблица 2. Экономическая уязвимость по режиму благосостояния

Показатель	Социал-демократический		Корпоративистский		Либеральный		Южноевропейский		Постсоциалистический консервативный		Постсоциалистический либеральный	
	НУ	У	НУ	У	НУ	У	НУ	У	НУ	У	НУ	У
Размер класса	0,874	0,126	0,850	0,150	0,797	0,203	0,718	0,282	0,654	0,346	0,599	0,401
G ²	22,961		50,112		44,576		165,419		185,898		27,407	
Степени свободы	4		4		4		4		4		4	
Сокращение величины G ² для модели с независимыми переменными	99,89		99,80		99,55		99,57		99,60		99,79	
Индекс несхожести	0,0034		0,0064		0,0104		0,0166		0,0176		0,0135	
< 70%	0,129	0,551	0,138	0,608	0,183	0,636	0,158	0,540	0,115	0,445	0,117	0,495
< 60%	0,071	0,341	0,075	0,430	0,119	0,483	0,102	0,414	0,070	0,324	0,074	0,373
< 50%	0,037	0,168	0,035	0,243	0,065	0,312	0,059	0,278	0,039	0,220	0,041	0,256
Депривация	0,006	0,644	0,014	0,738	0,014	0,609	0,024	0,634	0,144	0,900	0,167	0,946
Экономический стресс	0,035	0,578	0,037	0,634	0,058	0,642	0,157	0,846	0,134	0,878	0,058	0,666
N	103930		90298		40643		132111		119471		33665	

Примечание: У = уязвимые; НУ = не уязвимые

значение, тем лучше ожидаемые вероятности совпадают с рассматриваемыми. Размер G^2 для модели независимости обеспечивает один критерий, по которому следует оценивать пригодность модели латентных классов. Модель независимости предполагает, в некоторой степени нереалистично, что связь между риском бедности, потребительской депривацией и субъективным экономическим стрессом отсутствует. Модель латентных классов сокращает величину G^2 с уровня 99,6 до 99,9 для шести режимов благосостояния. Обращаясь к индексу несходства или доли случаев с неправильной классификацией, данный показатель составляет от 0,003 для социал-демократического режима до 0,018 для постсоциалистического консервативного режима. Таким образом, в каждом случае модель латентных классов подходит для воспроизведения рассматриваемых данных.

По режимам благосостояния наблюдается закономерность изменения размера уязвимого класса. Самый низкий уровень, равный 12,6%, можно наблюдать для социал-демократического режима. Данный уровень возрастает до 15% и 20,3% для корпоративистского и либерального режимов соответственно. Для режима в южной Европе характерен уровень, равный 28,2%. И наконец, уровень уязвимости возрастает до 34,6% и 40,1% для постсоциалистического, корпоративистского и либерального режимов соответственно. Эта четкая модель различий может быть сопоставлена с низкой дифференциацией национальной бедности по доходам (табл. 3), когда доля бедных варьирует от 10,3% до 19,4%, и очень схожие результаты наблюдаются для социал-демократических и постсоциалистических корпоративистских групп, с одной стороны, и либеральных режимов — с другой.

В *таблице 2* нижние строки демонстрируют вероятность иметь низкие доходы, испытывать потребительскую депривацию или субъективный экономический стресс в зависимости от вхождения или невхождения в группу экономической уязвимости. Графическая иллюстрация факторов, разграничивающих уязвимых и неуязвимых, представлена на *рисунке 1*. Для бедности по доходам контраст довольно схож по всем режимам. Что касается социал-демократического режима, риск падения ниже черты в 60% составляет 0,071 для неуязвимой группы и 0,341 для группы уязвимых. Для черт 50% и 70% эти показатели составляют 0,037 и 0,168; 0,129 и 0,551 соответственно. Профиль корпоративистской группы очень схож, с одной только разницей, что показатели для уязвимых групп являются более высокими, и, следовательно, контраст более очевиден. Что касается либеральных и южноевропейских режимов, показатели бедности здесь выше как для группы уязвимых, так и для неуязвимых. Для 60-процентной черты показатели для уязвимых и неуязвимых возрастают до 0,483 и 0,119 соответственно для первых и до 0,414 и 0,102 для последних. Для постсоциалистических режимов то, насколько показатели бедности выше по сравнению с южноевропейским режимом, зависит от черты бедности, на которой сконцентрировано внимание, однако разница в каждом случае несущественна. В общей сложности мы наблюдаем четкую дифференциацию между уязвимыми и неуязвимыми группами с очень ограниченной вариацией по режимам.

Различия в контексте уязвимости являются наименьшими при измерении бедности по доходам. Если сосредоточивать внимание на субъективном экономическом стрессе, определяемом при помощи индикатора степени трудности сводить концы с концами, мы обнаруживаем, что для уязвимой группы риск экономического стресса варьируется от 0,578 в социал-демократическом режиме до 0,878 в постсоциалистическом корпоративистском; тогда как оба либеральных режима приближаются к первому, а южноевропейский — к последнему. Для неуязвимых групп уровень экономического стресса в социал-демократическом и корпоративистском режиме составляет менее 0,04. Далее он возрастает до менее чем 0,06 в двух либеральных режимах. Затем существенно возрастает до 0,134 для постсоциалистической корпоративистской группы, а в южноевропейском режиме достигает пика 0,157.

Однако экономический стресс не является главным фактором различий. Вместо него ведущую роль здесь играет потребительская депривация. Что касается социал-демократического режима, этот тип лишения приближается к нулю для неуязвимой группы, однако возрастает до 0,644 для уязвимого класса. Для корпоративистского режима соответствующими цифрами являются 0,014 и 0,738, а для либерального — 0,014 и 0,609. Уровень депривации для южноевропейской группы в категории неуязвимых возрастает до 0,024 по сравнению с 0,634 для класса уязвимых. Эти четыре режима можно сопоставить с постсоциалистическими режимами, где уровни депривации значительно выше как для уязвимых, так и для неуязвимых. Для консервативного (корпоративистского) режима соответствующими показателями для неуязвимой и уязвимой групп являются 0,144 и 0,900, а для либерального режима — 0,167 и 0,946 соответственно.

Для того чтобы выявить шкалу несоответствий между уязвимыми и неуязвимыми, а также упростить сравнение режимов благосостояния, в *таблице 4* мы приводим соответствующие отношения шансов. Сосредоточив

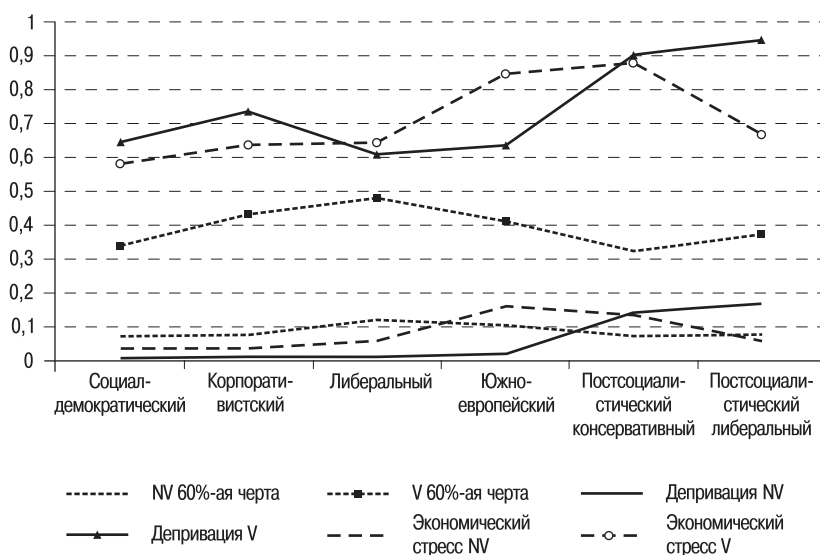
Таблица 3. Средние показатели бедности по доходам и экономической уязвимости по режимам благосостояния, процент

Режим благосостояния	бедных	экономически уязвимых
Социал-демократический	10,3	12,6
Корпоративистский	13,0	15,0
Либеральный	19,4	20,3
Южноевропейский	18,7	28,2
Постсоциалистический корпоративистский	13,7	34,6
Постсоциалистический либеральный	19,9	40,1

сначала внимание на бедности по уровню доходов при черте, равной 60%, мы видим в 1-й колонке, что экономическая уязвимость повышает риск возникновения такой бедности до коэффициента 6,8 для социал-демократического режима. Величина такого несоответствия немного варьируется по всем режимам благосостояния. Она возрастает до 9,3 для корпоративистского режима, однако колеблется в пределах 6,2 и 7,4 для остальных групп. Что касается субъективного экономического стресса, шкала различий отличается большей «остротой» с отношением шансов для социал-демократического режима, достигающим уровня 38. Однако повторим, что вариация в уровне воздействия по режиму является незначительной и составляет от 29 до 48, не имея при этом какой-либо закономерности. Самые высокие отношения шансов связаны с двумя корпоративистскими группами, а самые низкие — с либеральным и южноевропейским режимами.

Контраст между результатами, относящимися к потребительской бедности, является довольно значительным. За пределами постсоциалистических режимов отношения шансов существенно выше. Кроме того, по режимам благосостояния просматривается четкая схема дифференциации в величине отношения шансов. Самое большое значение, равное 300, относится

Рисунок 1. Уязвимость в отношении бедности по доходам, депривациям и экономическому стрессу

к социал-демократическому режиму. Это значение снижается до 210 для корпоративистской группы, отражая немного более резкое пропорциональное увеличение в уровне риска для уязвимой группы, чем для неуязвимой группы по сравнению с социал-демократическим режимом. Дальнейшее снижение до 110 наблюдается в либеральном режиме и возникает потому, что, хотя показатели риска депривации для уязвимой группы идентичны показателям либеральной и корпоративистской групп, уровень для неуязвимой группы оказывается ниже в первой, что приводит к меньшей поляризации. Дальнейшее падение значения соответствующего отношения шансов до 72 наблюдается для южноевропейской группы, в значительной мере отражая двухкратное увеличение для неуязвимой группы, несмотря на то, что абсолютные уровни остаются низкими. Для постсоциалистической группы мы наблюдаем снижение отношения шансов до 47. Это происходит даже несмотря на то, что уровень риска для уязвимой группы достигает 0,90, так как пропорциональное увеличение для неуязвимой группы является намного более резким. Далее незначительное падение до 32 для постлиберального социалистического режима возникает по тем же причинам.

В общей сложности, что касается экономической уязвимости, мы наблюдаем модель различий между режимами благосостояния, в соответствии с которой поляризация является более резкой в более «щедрых» и всеобъемлющих режимах, ориентированных на всеобщее благосостояние. Таким образом, хотя абсолютный риск оказаться экономически уязвимым и претерпеть депривацию (если индивид находится в уязвимом классе) выше в менее «щедрых» режимах и в режимах менее ориентированных на всеобщее благосостояние, степень поляризации по относительному риску депривации и экономического стресса выше в более «щедрых» и всеобъемлющих режимах.

Условные вероятности из модели латентных классов позволяют нам провести сравнение картины, полученной при акцентировании внимания на взаимосвязанных рисках с той, которая обусловлена измерением множественной депривации на определенный момент времени. Как следствие того, что уровни риска для каждого из трех индикаторов независимы в пределах латентных классов, расчет вероятности одновременного попадания в бедность по доходам, потребительской депривации и экономическому стрессу подразумевает возрастание через условные вероятности для каждого результата. В *таблице 5* мы приводим уровни многомерной депривации по режимам

Таблица 4. Соотношения внутри режимов благосостояния между группами уязвимых и неуязвимых по индикаторам неблагополучия, полученные из модели латентных классов

Режим	Бедность по доходам на уровне 60% от среднего уровня доходов Exp(B)	Экономический стресс (бинарная переменная) Exp(B)	Потребительская депривация (бинарная переменная) Exp(B)
Социал-демократический	6,8	37,7	299,3
Корпоративистский	9,3	45,1	210,2
Либеральный	6,9	29,1	109,5
Южноевропейский	6,2	29,5	72,4
Постсоциалистический корпоративистский	6,4	47,5	46,9
Постсоциалистический либеральный	7,4	32,2	32,4

благосостояния. Что касается неуязвимых групп, то очевидно, что для всех шести показатель, по сути, равен нулю. Для уязвимой группы самый низкий уровень многомерной бедности, равный 12,7%, наблюдается в социал-демократическом режиме. Он возрастает до 18,9% для либерального режима и достигает 20,1% для корпоративистской группы. Далее показатель постепенно увеличивается до 22,2, 23,5 и 25,6% соответственно для южноевропейской, постсоциалистической либеральной и корпоративистской групп. Таким образом, экономически уязвимые менее подвержены многомерной бедности в социал-демократическом режиме и более подвержены такой бедности в двух корпоративистских режимах.

Очевидно, что экономическая уязвимость не обязательно подразумевает под собой многомерную бедность. Только каждая восьмая уязвимая группа в социал-демократическом режиме характеризуется таким типом бедности, а что касается остальных режимов, то здесь это менее чем каждая четвертая и каждая пятая группы. Принимая во внимание минимальные уровни многомерной бедности среди неуязвимых групп, расчет совокупных уровней такого воздействия ограничиваем умножением показателей для экономически уязвимых на пропорцию уязвимых. Для социал-демократического режима доля, полученная путем умножения, самая низкая — 1,6%. Она возрастает до 3,0 и 3,8% соответственно для корпоративистского и либерального режимов. Таким образом, что касается экономически уязвимых, то самый низкий уровень многомерной бедности можно наблюдать в социал-демократическом режиме.

Таблица 5. Уровни множественной депривации (бедность при черте 60% + потребительская депривация + экономический стресс) по экономической уязвимости и режимам благосостояния, процент

Режим благосостояния	Экономически уязвимые	Неуязвимые	Итого
Социал-демократический	12,7	0,0	1,6
Корпоративистский	20,1	0,0	3,0
Либеральный	18,9	0,0	3,8
Юноевропейский	22,2	0,0	6,3
Постсоциалистический корпоративистский	25,6	0,1	9,0
Постсоциалистический либеральный	23,5	0,1	14,2

Однако очередность либерального и корпоративистского режимов является реверсируемой. Это происходит по той причине, что хотя показатель многомерной бедности для уязвимых ниже в первом режиме, уровень уязвимости в этом режиме выше. Шкала многомерной бедности постепенно возрастает с 6,3 до 9,0 и 14,2%, так как происходит переход от юноевропейского режима к постсоциалистическому корпоративистскому и либеральному режимам. И снова мы наблюдаем реверсивность показателей либерального и корпоративистского режимов.

Совокупные уровни множественной депривации больше различаются по полноте охвата и «щедрости» режимов благосостояния, чем соответствующие показатели для уязвимых групп. Однако только для постсоциалистических групп цифра возрастает до 6% населения. Это верно, несмотря на тот

факт, что корреляции между тремя измерениями, рассмотренными нами, значительно сильнее тех, которые наблюдаются при других измерениях депривации. Применение более широкого определения многомерной бедности приведет к тому, что мы будем наблюдать существенно более низкие и незначительные уровни в более благополучных режимах.

Относительный риск бедности и экономическая уязвимость по социальным классам и режимам благосостояния

В этой части мы рассматриваем то, как выбор в пользу бедности по доходам или экономической уязвимости в качестве зависимой переменной влияет на итоговые данные о влиянии социального класса. В *таблице 6* представлены результаты, полученные на основе совокупности логистических регрессий, касающихся различий относительного риска бедности по доходам для социальных классов в различных режимах благосостояния¹⁶.

Взяв класс руководителей высшего звена за исходную точку для каждого режима, мы видим, что вероятность оказаться бедным в наибольшей степени присуща классу малых предпринимателей и самозанятых в сельском хозяйстве. При социал-демократическом режиме вероятность стать бедными для этого класса выше в 7,5 раз по сравнению с таковой для руководителей высшего звена. Данная вероятность возрастает до 10,5 раз для корпоративистской группы и до 11,5 раз в двух либеральных режимах. Далее она увеличивается до 13,2 раз для постсоциалистической корпоративистской группы и, наконец, до 14,4 для режимов, характерных для южной Европы.

Следующим в среднем серьезно подверженным бедности классом являются малые предприниматели и самозанятые (не в сельском хозяйстве). Самое незначительное воздействие можно наблюдать в постсоциалистической либеральной и либеральной группах с отношениями шансов, равными соответственно 3,5 и 5,4. В остальных группах показатель варьируется между 7,3 и 8,8.

Разница между руководителями высшего и низшего звена является положительной в каждом случае, однако при этом она незначительна. Разница варьируется от 1,1 при социал-демократическом режиме и в режимах южной Европы до 1,7 при либеральном.

Воздействие возрастает для руководителей высшего звена и квалифицированных рабочих и составляет от 1,7 в социал-демократическом режиме до 3,2 в либеральном. Значительное усиление воздействия обнаруживается в классах технических работников сферы обслуживания и торговли и квалифицированных рабочих. Опять же минимальное значение составляет 3,5 для социал-демократического режима. Самое высокое значение, равное 8,1, связано с корпоративистским режимом. Остальные значения варьируются в пределах от 4,7 для постсоциалистического либерального режима до 6,5 для либерального.

Что касается класса полуквалифицированных рабочих, дальнейшее увеличение отношения шансов отмечается в каждом случае. И вновь самое низкое и самое высокое отношение шансов наблюдаются в социал-демократическом

¹⁶ Стандартные ошибки в *таблицах 5 и 6* были рассчитаны, чтобы учесть распределение индивидов по группам в пределах домашних хозяйств.

Таблица 6. Логистическая регрессия уровня экономической уязвимости, согласно схеме классов EсеС, по режимам благосостояния

Класс	Режимы благосостояния											
	Социал-демократический		Корпоративистский		Либеральный		Южноевропейский		Постсоциалистический корпоративистский		Постсоциалистический либеральный	
	Exp(B)	Sig	Exp(B)	Sig	Exp(B)	Sig	Exp(B)	Sig	Exp(B)	Sig	Exp(B)	Sig
Крупные предприниматели и руководители высшего звена и высококвалифицированные профессионалы (1)	Референтная категория		Референтная категория		Референтная категория		Референтная категория		Референтная категория		Референтная категория	
Руководители среднего звена, квалифицированные технические специалисты и профессионалы (2)	1,147	нет данных	1,323	***	1,703	***	1,087	нет данных	1,265	***	1,281	нет данных
Посреднические профессии и руководители низшего звена (3,6)	1,671	***	2,731	***	3,209	***	2,502	***	2,158	***	2,312	***
Малые предприниматели и самозанятые (не в сельском хозяйстве) (4)	7,772	***	8,068	***	5,385	***	8,787	***	7,294	***	3,520	***
Малые предприниматели и самозанятые (в сельском хозяйстве) (5)	7,511	***	10,457	***	11,478	***	14,365	***	13,221	***	11,559	***
Технические работники в сфере обслуживания и торговли и квалифицированные рабочие (7,8)	3,452	***	8,067	***	6,500	***	6,205	***	5,408	***	4,743	***
Полуквалифицированные рабочие (9)	3,788	***	9,639	***	7,202	***	8,222	***	6,477	***	7,466	***
Коэффициент детерминации R Натальерке	0,078		0,130		0,112		0,131		0,119		0,121	
Сокращение логарифма отношения правдоподобия	2955,1		5939,0		2490,0		10362,5		7705,5		1823,8	
Степени свободы	6		6		6		6		6		6	
N	91420		85127		36195		125498		109426		22058	

Применения: *** $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; * $p < 0,1$.

и корпоративистском режимах с соответствующими значениями, равными 3,8 и 9,6. Остальные значения составляют от 6,5 в постсоциалистической корпоративистской группе до 8,2 для южноевропейского режима.

В целом мы наблюдаем сильный эффект класса в отношении самозанятых, в сочетании с менее выраженным, но систематическим эффектом по всей классовой иерархии.

В *таблице 7* приведен отчет о результатах, полученных из соответствующего набора логистических регрессий, относящихся к экономической уязвимости¹⁷. В отличие от ситуации с бедностью, далеко не самый сильный эффект связан с классом полуквалифицированных рабочих. Два из трех самых низких отношений шансов наблюдаются для постсоциалистических режимов с соответствующими значениями для либеральных и корпоративистских вариантов, равными 6,9 и 8,3. Данные значения ниже, чем в нескольких других режимах, несмотря на высокие абсолютные уровни экономической уязвимости класса полуквалифицированных рабочих в таких режимах. Они также отражают относительно сильную уязвимость класса руководителей высшего звена в этих режимах. Следующим самым низким значением является 7,0, его можно наблюдать в социал-демократическом режиме. Оно возникает по иной причине, связанной с определенно низким уровнем уязвимости среди представителей класса полуквалифицированных рабочих в данном режиме. Отношение шансов постепенно возрастает при переходе от либерального режима к корпоративистскому и затем к режимам, характерным для южной Европы, и составляет от 9,6 до 11,0 и 12,7.

Подобная схема, несмотря на более слабое воздействие, наблюдается в классе руководителей низшего звена и квалифицированных рабочих. Что касается постсоциалистического режима, наименьшее воздействие, равное 4,7, снова можно наблюдать для либерального варианта, в то время как такое значение для корпоративистской группы достигает 6,4. Подобное относительно низкое значение, равное 5,3, отмечается в социал-демократическом режиме. И опять же мы наблюдаем постепенное увеличение показателей с 7,9 до 8,3 и 11,5 при переходе от корпоративистского режима к либеральному и режимам, характерным для южной Европы.

В классах крупных предпринимателей, руководителей высшего звена и высококвалифицированных профессионалов и квалифицированных рабочих отношение шансов варьируется от 2,9 до 3,1 для постсоциалистических групп и социал-демократического режима. Данные значения возрастают до 3,9 и 3,3 соответственно для корпоративистского и либерального режимов, а также до 4,5 для юноевропейской группы. Различия, связанные с принадлежностью к классам руководителей низшего и высшего звена, по режимам незначительны.

Влияние принадлежности к классам малых предпринимателей и самозанятых не в сельском и сельском хозяйстве значительно слабее в случае с экономической уязвимостью, однако изменчивость по режимам значительно

¹⁷ Оценочные показатели в *таблице 6* основываются на применении для идентификации зависимой переменной метода «модальный класс» LEM (Статистический пакет для анализа латентных классов — Прим. ред.). Каждый результат наблюдения приписывается тому латентному классу, для которого при наличии явных показателей оцениваемая вероятность классификации является наибольшей. Распределение по группам происходит на основе приписывания модели.

выше. Что касается малых предпринимателей и самозанятых, здесь мы наблюдаем, что наименьшее воздействие имеет место в либеральных режимах, а наибольшее — в корпоративистских и южноевропейских группах. Для класса малых предпринимателей и самозанятых в сельском хозяйстве постсоциалистический корпоративистский и южноевропейский режимы характеризуются явно высокими отношениями шансов, которые составляют 7,8 и 12,3, в то время как в иных случаях данное значение не превышает 3,6. Степень рассматриваемого воздействия для небедных классов обычно значительно ниже по сравнению с бедными классами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Помимо теоретического подтверждения достоинств многомерного подхода к оценке бедности, мы обратили особое внимание на необходимость развития методологии, позволяющей плодотворно исследовать ключевые вопросы, касающиеся бедности и социальной исключенности.

В нашем анализе дано сравнение уровней и социально-экономических моделей неблагоприятных условий, приводящих к бедности по уровню доходов и социальной исключенности. Имея разнообразие значений, применяемых как к социальной исключенности, так и к многомерности, мы попытались обозначить различие между социальной исключенностью, понимаемой как повышенный риск определенных исходов, и социальной исключенностью, понимаемой как множественные депривации, то есть «наслоения» лишений в определенный период времени.

Мы попытались сделать это, применив метод анализа латентных классов с целью выявления групп индивидов, которые оказываются экономически уязвимыми. Мы расширили наш анализ для проведения оценки множественной депривации как для уязвимых групп, так и для населения в целом.

В отличие от макроэкономических показателей бедности по уровню доходов, уровни уязвимости систематически изменяются по режимам благосостояния в зависимости от широты охвата и «щедрости» этих режимов. Они возрастают по мере продвижения от социал-демократического к корпоративистскому режиму, к либеральному и южноевропейскому и, наконец, к постсоциалистическому режимам, как корпоративистскому, так и либеральному. В пределах каждого режима оценка экономической уязвимости позволяет идентифицировать группу индивидов, которая имеет отдельный многомерный профиль. Потребительская депривация является ключевым фактором отличия. В то время как уровни таких деприваций значительно выше в более ограниченных и менее «щедрых» режимах благосостояния, поляризация между уязвимой и неуязвимой группами населения является наиболее «острой» в более всеобъемлющих и «щедрых» режимах.

Множественные депривации практически полностью сконцентрированы в экономически уязвимом классе. Однако в каждом режиме благосостояния значительная часть уязвимых не подвержена таким лишениям. Расширение понятия множественной депривации с целью охвата таких аспектов, как

жилищные условия, здоровье и район проживания, приведет в дальнейшем к серьезному уменьшению этих показателей.

Оценка экономической уязвимости при помощи латентных классов дает нам возможность представить единый расчет моделей социальной исключенности в пределах и для всех режимов благосостояния. Несмотря на шкалу вариаций по режимам благосостояния, значения уязвимости в постсоциалистических режимах, превышающее пороговое, значительно ниже соответствующих показателей, полученных на основе общеевропейского измерения относительного дохода.

Оценка при помощи латентных классов, как и общеевропейский подход к оценке подверженности «рisku бедности», способна выявлять ожидаемую дифференциацию между режимами благосостояния. Однако в отличие от измерения черт бедности по уровню национального относительного дохода, где различия между режимами незначительны, классовый подход обнаруживает очень значительный контраст между постсоциалистическими и всеми остальными режимами¹⁸.

Оценка при помощи латентных классов также дает выявить поразительные модели различий по социальным классам в пределах режимов благосостояния¹⁹. По сравнению с измерением национального относительного дохода, оценка при помощи латентных классов дает модель классовой дифференциации, в которой не доминирует контраст между самозанятыми и остальными социальными классами. В то же время данный подход позволяет увидеть важные вариации таких воздействий по режимам. Он также дает возможность определить, что *абсолютные* уровни уязвимости явно выше среди низших социальных классов в менее всеобъемлющих и «щедрых» режимах благосостояния, в то время как *относительные* классовые показатели на другом конце спектра являются более контрастными²⁰.

Ни один отдельный показатель не способен в достаточной мере охватить разнообразие бедности и социальной исключенности в Европейском союзе после его расширения. В этой связи мы в значительной степени солидарны с теми, кто отстаивает необходимость дополнить общенациональные измерения показателями по ЕС. Однако в данной работе мы стремились показать, насколько важно понимание серьезной необходимости преобразования, доказавшей свою состоятельность теории многомерного подхода к социальной исключенности в соответствующий набор мер.

БЛАГОДАРНОСТИ

Мы выражаем благодарность д-ру Трауте Мейеру и двум анонимным рецензентам за конструктивные комментарии по предыдущему проекту данной

¹⁸ См. работу Уилана и Мэтра [готовится к публикации].

¹⁹ Однако очевидно, что оценка в пределах постсоциалистических режимов потребует применения дополнительных методик.

²⁰ Согласно Уилану и Мэтру [2008], подход, основанный на определении экономической уязвимости, обладает значимыми преимуществами над измерениями показателей доходов и деприваций в силу возникновения погрешностей в расчетах, возникающих при анализе динамики. Как следствие, он демонстрирует более высокую эффективность в выявлении воздействия социального класса на модели постоянного неблагополучия в долгосрочном периоде.

работы. Эта работа является частью мероприятий, проведенных авторами в качестве участников Сети передовых научно-исследовательских центров по изучению экономических изменений, качества жизни и социального единства (EQUALSOC) (the Economic Change, Quality of Life and Social Cohesion network of Excellence), финансируемых Европейской комиссией (Генеральным директором по научным исследованиям) в рамках шестой базовой программы и исследовательской программы по теме «Влияние "новой экономики" на рынок труда, неравенство, бедность и благосостояние в Ирландии», финансируемой Научным советом по гуманитарным и общественным наукам Ирландии (IRCHSS).

ЛИТЕРАТУРА

Atkinson, R. and Davoudi, S. (2000) 'The Concept of Social Exclusion in the European Union: Context, Development and Possibilities', *Journal of Common Market Studies* 38 (3): 427–48.

Atkinson, W. (2007) 'Beck, Individualization and the Death of Class', *The British Journal of Sociology* 58 (3): 349–66.

Beck, U. (2007) 'Beyond Class and Nation: Reframing Social Inequalities in a Globalizing World', *The British Journal of Sociology* 58 (4): 679–705.

Boarini, R. and Mira d'Ercole, M. (2006) *Measures of Material Deprivation in OECD Countries*. OECD Social Employment and Migration Working Papers No. 37. Paris: OECD.

Bradshaw, J. and Finch, N. (2003) 'Overlaps in Dimensions of Poverty', *Journal of Social Policy* 32: 513–25.

Bukodi, E. and Róbert, P. (2007) *Occupational Mobility in Europe*. European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities.

Cappellari, L. and Jenkins, S. P. (2007) 'Summarising Multiple Deprivation Indicators', in J. Micklewright and S. P. Jenkins (eds) *Poverty and Inequality: New Directions*. Oxford: Oxford University Press.

Carle, A. C., Bauman, K. J. and Short, S. (2009) 'Assessing the Measurement and Structure of Material Hardship in the United States', *Social Indicators Research* 92: 35–51.

Chambers, R. (1989) 'Vulnerability: How the Poor Cope', *Editorial, IDS Bulletin* 20: 2.

De Wilde, K. (2004) 'The Multidimensional Measurement of Poverty in Belgium and Britain: A Categorical Approach', *Social Indicators Research* 68: 331–69.

Esping-Andersen, G. and Myles, J. (2009) 'Inequality and the Welfare State', in W. Salverda, B. Nolan and T. M. Smeeding (eds) *The Oxford Handbook of Economic Inequality*. Oxford: Oxford University Press.

European Commission (2004) *A New Partnership for Cohesion: Convergence Competitiveness Cooperation. Third Report on Economic and Social Cohesion*. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities.

Fahey, T. (2007) 'The Case for an EU-Wide Measure of Poverty', *European Sociological Review* 23 (1): 35–47.

Fenger, H. J. M. (2007) 'Welfare Regimes in Central and Eastern Europe: Incorporating Post-Communist Countries in a Welfare Regime Typology', *CISS*, August: 1–30.

Friedkin, N. E. (2004) 'Social Cohesion', *Annual Review of Sociology* 30: 409–25.

Gallie, D. and Paugam, S. (2000) 'The Experience of Unemployment in Europe', in D. Gallie and S. Paugam (eds) *Welfare Regimes and the Experience of Unemployment in Europe*. Oxford: Oxford University Press.

- Goldthorpe, J. H.* (2002) 'Occupational Sociology, Yes: Class Analysis, No. Comment on Grusky and Weeden's Agenda', *Acta Sociologica* 45: 211–25.
- Goldthorpe, J. H.* (2007a) 'Globalisation and Social Class', in J. H. Goldthorpe (ed.) *On Sociology*, 2nd edn, Volume One: Critique and Programme. Palo Alto, CA: Stanford University Press.
- Goldthorpe, J. H.* (2007b) 'Social Class and Differentiation of Employment Contracts', in J. H. Goldthorpe (ed.) *On Sociology*, 2nd edn, Volume Two: Illustration and Retrospect. Palo Alto, CA: Stanford University Press.
- Goldthorpe, J. H.* (2009) DOI:10.1093/esr/jcp046 'Analys-ing Inequality: A Critique of Two Recent Contributions from Economics and Inequality', *European Sociological Review*.
- Gordon, D., Adelman, L., Ashworth, K., et al.* (2000) *Poverty and Social Exclusion in Britain*. York, UK: Joseph Rowntree Foundation.
- Grusky, D. B. and Weeden, K. A.* (2007) 'Measuring Poverty: The Case for a Sociological Approach', in N. Kakawani and J. Silber (eds) *The Many Dimensions of Poverty*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Guio, A.-C.* (2005a) 'Material Deprivation in the EU', *Statistics in Focus*. Eurostat 21/2005. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities.
- Guio, A.-C.* (2005b) 'Income Poverty and Social Exclusion in the EU25', *Statistics in Focus*. Eurostat 13/2005. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities.
- Guio, A.-C., Fusco, A. and Marlier, M.* (2009) *A European Union Approach to Material Deprivation Using EU-SILC and Eurobarometer Data*. CEPS/INSTEAD IRISS Working Paper 2009–19.
- Korpi, W. and Palme, J.* (1998) 'The Paradox of Redistribution and Strategies of Equality', *American Sociological Review* 63: 661–87.
- Kronauer, M.* (1998) "'Social Exclusion" and "Underclass": New Concepts for the Analysis of Poverty', in H. J. Andres (ed.) *Empirical Poverty Research in a Comparative Perspective*. Aldershot: Ashgate.
- Levitas, R. A., Pantazis, C., Fahmy, E., Gordon, D., Lloyd, E. H. R. R. and Patsios, D.* (2007) *The Multi-dimensional Analysis of Social Exclusion*. London: Department for Communities and Local Government (DCLG), Cabinet Office, Social Exclusion Task Force.
- Lockwood, D.* (1964) 'Social Integration and System Integration', in G. K. Zollschan and W. Hirsch (eds.) *Explorations in Social Change*. London: Routledge.
- Moisio, P.* (2004) 'A Latent Class Application to the Multidimensional Measurement of Poverty', *Quantity and Quality* 38: 703–17.
- Muffels, R. J. A. and Luijkx, R.* (2006) 'Globalisation and Male Job Mobility in European Welfare States', in H.-P. Blossfeld, M. Mills and F. Bernardi (eds) *Globalisation, Uncertainty and Men's Careers: An International Comparison*. Cheltenham, UK and Northampton, MA: Edward Elgar.
- Nolan, B. and Whelan, C. T.* (2007) 'On the Multidimensionality of Poverty and Social Exclusion', in J. Micklewright and S. Jenkins (eds) *Poverty and Inequality: New Directions*. Oxford: Oxford University Press.
- Nolan, B. and Whelan, C. T.* (2010) 'Using Non-Monetary Deprivation Indicators to Analyse Poverty and Social Exclusion in Rich Counties: Lessons from Europe?' *Journal of Policy Analysis and Management* 29 (2): 305–23.
- Palme, J.* (2006) 'Welfare States and Inequality: Institutional Designs and Distributive Outcomes', *Research in Social Stratification and Mobility* 24: 387–403.
- Paugam, S.* (1996) 'The Spiral of Precariousness: A Multidimensional Approach to the Process of Social Disqualification in France', in G. J. Room (ed.) *Beyond the Threshold*. Bristol, UK: Policy Press.

- Pisati, M., Whelan, C. T., Lucchini, M. and Maître, B.* (2010) 'Mapping Patterns of Multiple Deprivation Using Self Organising Maps: An Application to EU-SILC Data for Ireland', *Social Science Research*, 39 (30): 405–418).
- Room, G.* (1999) 'Social Exclusion, Solidarity and the Challenge of Globalisation', *International Journal of Social Welfare* 8 (3): 166–74.
- Rose, D. and Harrison, E.* (2007) 'The European Socio-economic Classification: A New Social Class Schema for Comparative European Research', *European Societies* 9 (3): 459–90.
- Rose, D. and Harrison, E.* (eds) (2009) *The European Socio-economic Classification*. London: Routledge.
- Sen, A.* (2000) *Social Exclusion: Concept, Application and Scrutiny*. Social Development Papers No. 1. Manila: Office of Environment and Social Development, Asian Development Bank.
- Smeeding, T.* (1997) *Financial Poverty in Developed Countries*. Luxembourg Income Study, Working Paper 115.
- Tomlinson, M., Walker, A. and Williams, G.* (2008) 'Measuring Poverty in Britain as a Multi-dimensional Concept, 1991 to 2003', *Journal of Social Policy* 37: 597–620.
- Whelan, C. T. and Maître, B.* (2005a) 'Vulnerability and Multiple Deprivation Perspectives on Economic Exclusion in Europe: A Latent Class Analysis', *European Societies* 7 (3): 423–50.
- Whelan, C. T. and Maître, B.* (2005b) 'Economic Vulnerability, Social Exclusion and Social Cohesion in an Enlarged European Community', *International Journal of Comparative Sociology* 46 (3): 215–39.
- Whelan, C. T. and Maître, B.* (2008) 'Social Class and Risk: A Comparative Analysis of the Dynamics of Economic Vulnerability', *British Journal of Sociology* 60 (4): 637–59.
- Whelan, C. T. and Maître, B.* (2009) 'Comparing Poverty Indicators in an Enlarged EU', *European Sociological Review* DOI:10.1093/ESR/JCP047.
- Whelan, C. T., Layte, R., Maître, B. and Nolan, B.* (2001) 'Income, Deprivation and Economic Strain: An Analysis of the European Community Household Panel', *European Sociological Review* 17: 357–72.
- Whelan, C. T., Layte, R. and Maître, B.* (2002) 'Multiple Deprivation and Persistent Poverty in the European Union', *Journal of European Social Policy* 12 (2): 91–105.
- Whelan, C. T., Nolan, B. and Maître, B.* (2008) 'Measuring Material Deprivation in the Enlarged EU', ESRI Working Paper 249. Available at www.esri.ie
- Whelan, C. T., Pisati, M., Lucchini, M. and Maître, B.* (готовится к публикации) 'Understanding the Socio-economic Distribution of Multiple Deprivation: An Application of Self Organizing Maps', *Research in Social Mobility and Stratification*.
- Wilkinson, R. and Pickett, K.* (2009) *The Spirit Level: Why More Equal Societies Almost Always Do Better*. London: Allen Lane.